

Я на горы смотрю, я глазами искал их, —
Не увидел вершин, уходящих во тьму.
Я смотрю на старинные башни на скалах,
Это башни иль нарты — никак не пойму.

Не страшась крутизны, в бездну падают реки.
Стук подков — так мне кажется — вторит ключу.
Это скачут в лесистой теснине абреки,
Или сам я, гонимый врагами, скачу?

Это черные бурки врагов промелькнули
И тотчас растворились в полночной дали?
Я припомнил преданье, что слышал в ауле,
Вспомнил раны, что долго зажить не могли.

Оглашается звоном кинжалов теснина.
Кто кого убивает во мраке? В чей дом
В черной бурке внесут бездыханного сына?
Как черна эта ночь на обрыве крутом!

Как отцу моему здесь, в ущелье, кричала,
Так спросонок, сова, ты кричишь мне опять...
Не боюсь я врага! Не боюсь я кинжала!
Мне нужна моя жизнь: дома ждет меня мать!

В пене скачет река, побледнев от испуга,
Будто враг за ней гонится в душной пыли...
Помнишь: кровники здесь настигали друг друга.
Помнишь: раны здесь долго зажить не могли...

Скалы, разве мои вы не видите раны?
Льется кровь моя — остановить не могу!

Я на землю упал. Чей там окрик гортанный?
Где кинжал? Неужели я сдамся врагу?

Нет, почудилось ночью сверкание стали, —
Фары встречной машины стремятся ко мне.
Это в древнем преданье слова отблестили,
Как низринулся в пропасть абрек на коне.

Но постой! За скалой чей-то крик, чьи-то стоны.
Ты прислушайся, — кто-то кричит и зовет.
То не всадник ли стонет, кинжалом пронзенный?
Как же можешь ты медлить? На помощь! Вперед!

Нет, дошел этот крик до меня, до теснины,
Из-за гор древних лет, окровавленных лет.
Впереди зажигаются фары машины,
И со мною друзья, электрический свет.

Как на скалах черны эти древние башни!
То не кровной ли мести кинжал за скалой?
...Впереди — мой аул и приют мой домашний,
Рядом свет и друзья мои рядом со мной,

1962